

ких машино-тракторных станций авторы пятилетки ожидают в соответ. районах освобождения излишков рабочей силы и рабочего скота, что должно дать возможность применить их в трудоемких хозяйствах: огородах, садах, молочном скотоводстве и т. д. Задумано, как видим, все это чрезвычайно гладко и заманчиво. К концу пятилетия машино-тракторные станции должны по плану обрабатывать около 2,5 м. гект., или пятую часть всей посевной площади края, и создать „могучий (?) социалистический фундамент в сельском хозяйстве“.

В рамках общей с.-хоз. эволюции в течение пятилетки авторы плана предвидят широкое распространение специальных отраслей сельского хозяйства. Но и здесь полунатуральный потребительский строй должен смениться товарным. Недостаток посадочного материала, специального инвентаря, неподготовленность населения в пр. ограничивают однако возможности развертывания этих отраслей, и авторы пятилетки оказываются здесь в своих заданиях довольно „скромны“: площадь огородов должна увеличиться на 131,9%, садов — на 105%, виноградников — на 114%, и технических культур — на 260,4%. И вот в этой области основным методом проведения в жизнь плана должна явиться коллективизация, ибо „до революции и в значительной мере до настоящего времени специальные отрасли земледелия были привилегией преимущественно зажиточных слоев деревни“. Путем создания производственных коллективов для обработки огородов, виноградников и садов вес обобществленного сектора (понимай „награбленного добра“) по специальным отраслям земледелия должен значительно увеличиться, давая 40% к общему итогу.

Упомянем теперь о путях в пятилетке т. наз. „совхозного строительства“. Специально о том, что собственно представляют из себя совхозы, мы надеемся поговорить в ближайшем будущем, одновременно с темой о коллективизации. Сейчас же скажем, что пятилетний план предусматривает в Северо-Кавказском Крае строительство ряда и этих „фабрик зерна“, в соответствии с наличием у нас достаточного количества неосвоенных земель. Основная масса посевной площади совхозов отводится под зерновые хлеба: из общей суммы в 627 т. г. 419 т. г. приходится на засев пшеницы, 83 т. г. — ячменя, 65 т. г. — ржи. Общий сбор совхозного зерна к концу пятилетия запрокинут в 68938 т. цент., или в 5,8% всего сбора Края. Товарного хлеба колхозы, по мнению авторов пятилетки, должны дать 61366 т. центнеров, или 37,2% всего задания совхозам РСФСР и Украины. Среди огромных совхозов в 40-50 т. г. выделяется своими гигантскими размерами Сальский совхоз в 120 т. г.

Посмотрим теперь, в какие формы выливается пятилетка по второй после полеводства основной отрасли хозяйства нашего Края — в животноводстве. В 1927/28 г. общая сумма выручки от реализации продуктов животноводства составила 107 м. руб., или 47,7% от общей стоимости товарного отчуждения станицы. Неудивитель-

но поэтому, что и в пятилетнем плане его авторы не мало поломали голову над изысканием путей развития животноводства, тем более, что индустриализация лишь повышает промышленный и потребительский спрос на его продукты. И все же современное состояние животноводства у нас столь плачевно, что и к концу пятилетия авторы пятилетки не надеются довести численность стада до военного уровня. Отставание идет особенно за счет лошадей, численность которых не превышает 44% довоенной (как же потери потерпело коневодство в результате одной войны!). По отдельным категориям скота план проектирует следующий рост: численность лошадей — на 41,2% (до 2,2 м. голов), крупного рогатого скота — 22,2% (6,4 м. г.), свиней — 56,1% (2,1 м. г.), овец и коз — 38,2% (8,9 м. г.) Дефицит живой тягловой силы план надеется покрыть тракторами. В структурном отношении план повышает значение наиболее интенсивных видов животноводства свиней и коров. Для проведения плана его авторы считают необходимой широкую государственную помощь. Сумма государственных вложений в животноводство должна составить за пятилетие 119 м. р., расходуемых на племенную скот, контрольные союзы, выставки и т. д.

Вопрос о кормовых средствах решается, как ростом зернового хозяйства, так и увеличением площадей сеяных трав с 79,5 т. г. на 537,7 т. г., осуществлением в широких размерах силосования кормов, организацией показательного кормления и т. д. В итоге предполагается, что объем продукции животноводства возрастет с 344 м. р. до 526 м. р.

За недостатком материала мы не можем остановиться подробно не проектируемых планом мероприятий в других отраслях сельского хозяйства. Упомянем только что план намечает постройку еще 195 элеваторов и 44 холодильников для сохранения животноводческой, рыбной и фруктово-овощной продукции.

На все виды с.-хозяйства в сумме отпускается 963 м. руб.

Обликая пятилетку по с.-хозяйству в целом, можем констатировать и здесь систематическое проведение постановлений XV съезда ВКП о том, что надо стремиться к „непрерывному систематическому повышению удельного веса социалистического хозяйственного сектора“. Если принять во внимание, что пятилетка ставит заданием поднять удельный вес „обобществленного сектора“ по животноводству с 0,4% на 5,5%, по посеваемой площади с 16% на 45%, по валовой продукции с 4,7% на 39%, а по товарной продукции даже на 55%, то слова о том, что „строительство в советской стране крупных с.-хоз. предприятий общественного характера происходит не путем разорения и пожирания мелких и мельчайших хозяйств, а путем одновременного содействия, развития и подпития их к высшему уровню техники и культуры“, — являются странным приписком к плану и противоречат всему духу пятилетки.

(Окончание следует).

Др. Эренджен Хара-Даван.

Тупики и исходы русской революции.

II.

Революции в истории народов являются периодическими, а социальные революции, как русская, знаменуют собою переход в новую эпоху.

Чтобы более верно наметить пути соврем. СССР, обратимся к аналогичным явлениям и признакам во всемирной истории.

Позволю себе предварительно сделать одно замечание относительно изучения судьбы русской национальности. Русская история изучалась очень долго точно какой то своего рода процесс в самом себе, независимый от всего окружающего мира, со своими особыми законами существования. Одновременно и по той же причине образонивались все нити, которыми русская история связана с историей других народов.

Между тем, Россия по своему географическому положению находится между античными культурами востока и запада, на великом пути переселения народов, и она не могла быть изолированной от влияния других народов. Однако, русская история никогда не трактовалась, как составная часть всемирной, между тем как на самом деле она очень характерная и крупная часть всемирно-исторического круга событий.

Историческая закономерность судеб великих империй тождественна в своих общих чертах, хотя ни один из исторических примеров целиком не совпадает с данными, как это и следует в истории, в которой нет буквальных повторений.

Сперва рассмотрим случаи расцвета и гибели двух величайших империй античного мира — греческой и

римской, и приведем исторические аналогии, выявившиеся в истории двух познейших великих империй: средневековой Монгольской и современной Российской.

Все эти империи характеризуются тремя крупными периодами развития в их истории. Первое, — накопление потенциальной энергии национальности и формирование *однонационального государства*; второй, — период империализма с колониальными войнами и присоединением чуждых им по крови и культуре народов; это — период полного расцвета национальности, который у всех очень не долгов; третий, — период упадка господствующей национальности, ее культуры и распад империи на свои составные национальные части, когда угнетенные нации освобождаются и вступают на путь национального возрождения.

Две древнейшие нации античного мира — греческая и римская, при всем различии данных, испытали в конце концов одинаковую судьбу. Греческая культура была культурой знания, идеал ее — мудрец; культура же римская — культура права, идеал ее — гражданин, герой. Героический период у греков сосредотачивается около борьбы с персидской империей и олицетворяется в лице Александра Македонского; для римлян — около войн пунических. Под влиянием внешней грозной опасности эти нации развертывают необычайное богатство сил, неслыханную боеготовность. В разных областях государственного строительства, военной техники и литературных созданий нации эти обнаруживают величайшую самоуверенность, быстро и дерзко изобретают, если и заимствуют, то не чувствуют себя обязанными учителю, а применяют заимствованное точно свое, гордятся своей национальностью превыше меры, весь остальной мир трактуя как варварство.

Вот характерные черты первого периода развития этих империй. Затем наступает для этих наций второй период — эпоха империалистического расширения. Империализм составляет видимое продолжение национализма, это своего рода полет на крыльях национальной энергии, но его результаты — ослабление этой энергии, растворение национальности, исчезновение ее нервной, ее духовной мощи.

Этот факт особенно заметен в судьбе греков и римлян, также как у монголов и великоруссов. С расширением их империй, вторгаются чужие люди, костюмы, вкусы, обиход жизни. Появляется великий спрос на чужие обряды, верования. Литература и школа принимают оттенок космополитический. Все иностранное, иноверное начинает казаться милее, интереснее родного, отечественного; своего патриархального, традиционного стыдятся, свое презирают.

Конечно, очень много значит в этом падении национальности факт внешнего физического растворения. Рождаемость нации далеко не поспевает за ростом территории в Империи, в колониях, которые завоевывает господствующая нация; она разрежает свой состав. Нация перестает быть плотным единым телом; смешанные браки изменяют ее состав. Правда, она много навязывает покоренным, она ассимилирует другие малые нации, она достигает больших эффектов распространением государственного языка, принятием, своей школы. Но еще больше, может быть, господствующая нация бедет у подчиненных, еще больше она варваризуется, денационализируется, а затем важную роль играет переход завоевателей на мирную погу.

Воители и странствующие торговцы превращаются в землевладельцев и бюрократов. Само общество глубоко надознаменается одновременно с ростом империи. Это явление мы называем демократизацией, уравниванием сословий; оно выражается в исчезновении старых корпораций, разных сословий, привилегий и преимуществ рождения. И в Греции и в Риме самый выдающийся факт на этой области — это гибель наследственной аристократии (служилого класса), соответствующей нашему дворянству (в Греции — всадничество, в Риме — нобилитеты, в России — служилое дворянство) и только тут в момент гибели этой старинной корпорации становится видно, какую существенную роль она играла в образовании и защите национального государства.

Теперь посмотрим, что происходит во время упадка в области духовной и материальной культуры. Несом-

ненно выше и тоньше становится техника, военные сооружения, но ко всей блестящей внешности не хватает вдохновения. Общественные нравы падают, храбрость, самоотверженность и честность уступают место трусости, эгоизму и ваяничеству. Исчезновение национальной терпкости и остроты, космополитическая интернациональная вялость расслабляет и парализует деятельные силы нации.

Как будто эти два процесса, культурный и национальный, идут параллельно, но противоположным ходом: один вверх, другой вниз. Ничего национально-греческого и национально-римского нет в беллетристике и философии эпохи. Когда-то господствовавшие великие нации начинают исчезать: в должностях и управлениях, в военном командовании, в литературе выдвигаются инородцы, как в России — немцы, у монголов — персы, китайцы и татары. В эпоху Константина и Феодосия ни греков ни римлян уже не существует как национальности. Здесь перед нами картина безвозвратной гибели национальности.

Но некоторые народы мы видим, могут возрождаться и вновь. Персия два раза возрождалась. Если их первой эпохой расцвета считать время Ахеменидов VI и V в. до Р. Х., то после разгрома, после македонского и парфянского чужеземного владычества в течение 5 веков слишком, происходит второе возрождение при Сассанидах в III в. до Р. Х. Новоперсидская империя существует 4 века. Затем происходит второе завоевание, вторая гибель персидского национального государства под натиском кочевников — степных арабов, — которые им приносят ислам.

Пятистотенный Китай, насчитывающий около пяти тысяч лет своей исторической жизни, пережил много периодов своего расцвета и упадка когда ими завладевали немногочисленные монголы в эпоху своего расцвета.

Монголия при Чингис-хане и его наследниках пережила 2 века своего расцвета и вот уже переживает 6 век своего упадка. И только теперь мы видим признаки ее пробуждения вместе с народами Азии.

В истории монголов мы видим процессы, аналогичные с выше приведенными на истории Греции и Рима. Когда Чингис-хан объединил все кочевые племена Азии в одно государство, единое по крови, культуре и быту, нам казалось бы целесообразнее дальше этого не идти, по историческое развитие народов имеет свои неумолимые законы, подобно тому, как человек должен пережить свое детство, юность, зрелость, чтобы вступить в дряхлую старость.

Монголия выходит из своих этнографических границ, переживает свой период империализма, завоевывает чуждые ей по крови и культуре народы востока и запада, сама в них расплываясь и денационализируясь. В Китае они, начиная с Кубилай-хана, китайизируются; в Персии наследники Чингис-хана поддаются под влияние чуждой им культуры и принимают мусульманство; в Золотой Орде Чингисханы и монголы отатарились и приняли мусульманство. Победоносные воители перешли на мирную жизнь, палаживая государственный аппарат в обширных своих колониях, подвергаясь расслабляющему действию старых культур китайцев и персов. Нет лафуса борьбы, намешлись пульсы национальной жизни, наступают сумерки... Как следствие этого мы видим упадок национальности и разложение монгольской империи, занимавшей 1/3 старого света, и распадение на отдельные свои составные национальные государства. Монголы после блестящего своего расцвета сошли с исторической сцены и ввали в упадок, но после себя оставили два великих наследия: на востоке впервые ими объединенный Китай из до того трех независимых, но однонациональных государств Тангут, Цзинь и Суп, а на западе Московскую Русь.

Московская Русь Ивана III и IV представляла из себя впервые объединенное самостоятельное государство одной русской национальности. И здесь повторяются те же аналогии, приведенные выше на истории Греции, Рима и Монголии. Московская Русь не хочет ограничиться этим и начинает свой империалистический период. Иван Грозный завоевывает чуждые ему по национальности и культуре остатки Золотой Орды — Царства

Казанское и Астраханское. Знать татарская неудержимо вливается широкой волной в русскую привающую аристократию. Один татарин, Борис Годунов, доходит до русского престола, а принц Ордынский, потом св. Петр, причислен к лику православных святых. Татарская более высокая культура, чем русская того времени, широко влияет на Русь. Здесь не место говорить об этом подробно (о влиянии монгольского ига см. книгу автора „Чингис-хан и его наследие“). Завоевательные, колониальные войны перебрасываются за Волгу и Урал.

Периодом расцвета русского государства, его героическим периодом, когда империализм достиг своего апогея — это время Петра I, а в особенности Екатерины II. Петр сам, а у Екатерины ее „орлы“, с Суворовым во главе, расширили границы империи до максимума. После этого, в первой половине XIX в., наблюдается некоторый застой. Во время войн с поляками и 30-годах и во время венгерской кампании в 40-х годах, мы видим „отсутствие воли к победе“, отсутствие пафоса борьбы, которыми обладал период Екатерининский. С 70-х годов XIX в., а именно со времени Крымской кампании обнаруживаются признаки упадка: выписанные отрицательные качества обнаруживаются рельефно и начинаются „сумеречные десятилетия“ для русской армии, по выражению Салтыкова. В то время, когда войска одержали победу в Балканской войне, русское правительство упадочного периода остановило свои войска у ворот Константинополя у Сан-Стефано, испугавшись ультиматума и флота английского, чтобы заключить на Берлинском конгрессе позорный для себя мир.

Самые яркие примеры упадка Россия выявила в Японскую войну, когда маленькая Япония, по в периоде своего национального расцвета, разбила великую Россию, находящуюся уже в периоде упадка. В европейскую же войну выявились черты полного развала великой империи. Говорят война рождает героев, я добавил бы, — во время национального расцвета. Так екатериненские войны дали плеяду полководцев во главе с Суворовым, а все войны, начиная с 30-х годов XIX в. до сих пор не дали ни одного подобного ему полководца.

Полнейший развал государства подтверждает то, что достаточно было перебросить из за границы около 200 голодавших там эмигрантов — большевиков, чтобы без попытки к сопротивлению со стороны бывшего правящего класса дворян, бюрократии, землевладельцев и банкиров, они могли взять государственную власть при помощи уставших воевать солдат.

Мы здесь видим аналогичные явления, которые мы констатировали при упадке национальности и культуры греческой, римской и монгольской империи.

Принято говорить, что русская культура до Петра I была „самобытной“. Позвольте себе с этим согласиться лишь относительно. На заре русской культуры мы видели, что в ее создании участвовали варяжские князья со своими дружинами, хотя это была скорее культура „гостинного двора и наемников караванов“; затем — византийское православие и около 300 летнее владычество монголов, давшее Руси свою великодержавность и ханат (самодержавие). Монголы влияли на

русский быт, характер и обычаи, с ними кровно сливаясь настолько, что по своему био-химическому коэффициенту (1,3) она ближе и родственна к коэффициенту крови монголо-тюркских народов (1,5), чем к коэффициенту крови южных и западных славян (2,5), которые ближе к коэффициенту романо-германских народов (3,5). Эти открытия медицины устанавливают, что „родство славянской крови“ — миф.*

Из татарской школы вышло царство Ивана Великого, как птенчик из яичной скорлупы на широкую дорогу великодержавности и национальной „самобытной“ культуры.

Не долго продолжалась эта самобытность блестящего государства Ивана III и IV, она рушится не от внутренних причин, а под давлением западно-европейской техники, хотя бывших в руках слабых (? ред.) наций как поляков и шведов. После смуты, московские политики пытались модернизировать свое национальное государство на новый лад и тем (? ред.) стали на путь упадка: все больше у них вырабатывается пренебрежение к своей культуре и преклонение перед одолевшим их западом. Восстановленная держава, при уменьшенных средствах, организуется по европейскому образцу с бюрократией, бюджетом, постоянным войском, для чего понадобился кадр иностранцев-спецов, а в качестве одной из бюрократических форм утверждается до сих пор незнакомое Востоку и сложившееся под влиянием капитализма — крепостное право.

Теперь посмотрим, что мы видим в области духовной культуры.

Петр I был неистовый „западник“, со слепой верой в их машину и в их указку. Наплыв чуждого просвещения заставляет забыть все свое, старинное.

Постепенно бюрократизированные государственные верхи отделяются от народной массы; в то же время образованное общество призывает смотреть на государство, как на внешнюю постороннюю силу. Этого разобщения общества и государства, интеллигенции и народа не было в XVI в. Странно звучит на первый взгляд, если сказать, что Курбский и Грозный были по вкусам, складу понятий, образу жизни ближе к простолудину своего времени, чем в наш демократический, но сильно европеизированный век, товарищ-комиссар из полуобразованных горожан к крестьянину. „Охно, прорубленное в Европу“ Петром I-ым препратилось в широкую дверь, куда сильно подул вольный ветер нигилизма, атеизма, социализма, интернационализма и прочих „духовных ценностей запада“, пока он не превратился в революционную бурю коммунизма, этого последнего детища европейской культуры (? ред.). Русская революция есть прямое последствие периода копирования европейской культуры Россией (? ред.), начатое Петром и доведенное до ее логического конца Лениным.

(Окончание следует).

* Одно из весьма спорных утверждений евразийцев, т. е. понятие „славянства“ не исчерпывается близостью или отдаленностью величия био-химических коэффициентов. Р е д.

Ис. Быкадоров.

От Сватикова к Короченцеву.

Самым ценным трудом по истории Кавказства вообще, по истории Донского Войска в частности, является труд проф. С. Г. Сватикова — „Россия и Дон“, написанный автором на Дону и изданный на средства Донской казны за границей в 1924 г. Прimitивность, энциклопедичность изложения вводной части о происхождении казачества, совершенно неверное не отвечающее исторической действительности, не уменьшает все же ценности той книги. Значимость труда прежде всего в систематичном изложении документальных данных с 1549 г. по 1917 г.; из них многие только впервые напечатаны. Не меньшая, конечно, ценность и в научном

освещении их. На средства Донской же казны Донским правительством изданы три книги Донской Летописи (1924 г.) Вот и все. Между тем вывезен Донской Архив, находившийся до сего времени в исключительно благоприятных условиях, но тем не менее по истории Донского Войска Донское правительство не сделало дальше ничего. И вот этот пробел, повидимому, и должны возместить „Очерки истории Кавказства“ В. Короченцева, напечатанные в „Родимом Крае“ (№ 2—10). „Очерки“ эти изложены так, как будто бы даже труда проф. Сватикова еще не существовало. Написаны они или на память, или автор никогда не читал и